

ВЕРА

КОЛОЧКОВА

**ЛЕДИ МАКБЕТ
МАРКЕЛОВА ПЕРЕУЛКА**

...у же успокоительному и безнадежному
...нать ничего было не надо, что он должен
...е делая зла, не тревожась и ничего не з
...июня, когда князь Андрей, возвраща
...ть в ту березовую рощу, в которой стои

Вера Колочкова

Леди Макбет Маркелова переулка

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колочкова В. А.

Леди Макбет Маркелова переулка / В. А. Колочкова — «Эксмо»,
2016

ISBN 978-5-699-82758-9

«Я не могу больше жить с тобой, прости», – сказал муж Кате, прежде чем бросить ее, беременную, с маленьким сыном. И ушел, вернее, уехал – в столицу, к богатой и более успешной женщине... Павел безоглядно оставил все, что у них было общего. Но что у них было? Холодный дом, постоянные придирки, вечное недовольство – Катя пилила мужа словно тупая пила и даже не задумывалась, что однажды его терпению наступит конец. А когда подросли сыновья... они также уехали от Кати – не хватило на них ни тепла материнского, ни нежности. И лишь тогда начала она осознавать, что никогда не умела любить, только держалась за свой страх и чувство собственности. Сможет ли Катерина переступить через свою гордость, получится ли у нее вернуть искреннюю любовь своих близких?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82758-9

© Колочкова В. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Вера Колочкова

Леди Макбет Маркелова переулка

*Ты меня больше не любишь! Все ясно.
Выйду на улицу. Черен мой плащ,
Люди, вам эсеница эта опасна,
Ибо она не вмещается в плащ.
Олеся Николаева, «В черном плаще»*

© Колочкова В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Часть 1

Эта картина потом так и останется в Катиной памяти. Навсегда. Если чужим глазом смотреть – волшебная картина...

Мать сидит у зеркала на фоне льющегося из окна солнечного света. И что интересно – не мать как таковая запомнилась, а именно эта совокупность – женщина, зеркало, солнечный свет. Еще можно добавить в картинку розовый пеньюар матери с оторочкой из лебяжьего пуха, фривольную позу нога на ногу и атласную домашнюю туфельку, из последних сил цепляющуюся за маленькую ступню. Мать занята важным делом – завивает щипцами высветленные до состояния неестественности волосы. Лицо ее особо сосредоточено в тот момент, когда прядь высвобождается из раскаленных тисков, падает аккуратной спиралькой на плечо, смешиваясь с другими спиральками. Много, много спиралек. Наверное, мать считает, что это красиво. Наверное, от самоудовлетворения томно перекидывает ногу на ногу, и туфелька падает со стуком на пол.

Стасечка, иначе не скажешь. В чистом виде Стасечка. Это мать сама себя так называет – Стасечка. Уменьшительное от полного имени Станислава. И в данном случае мать тоже уверена, что имя звучит страшно красиво. Хотя никакая она не Станислава на самом деле, а Зинаида по паспорту. Просто Зинка. Так бабушка ее и называла, пока жива была. Еще и добавляла к «Зинке» нехорошее выраженьице тихим отчаянным тенорком – шалава, бляха-муха...

Катя еще раз покосилась в ее сторону, вздохнула. Нет, мать на шалаву не похожа. На Стасечку похожа, а на шалаву – не тянет. Слишком фактурка для шалавы сладкая. Нет ничего такого, соответствующего образу – вдрызг пропитого или прокуренного. Наоборот... Нежная Стасечка, нежная масечка, поросячье розовое мясо. Тьфу! Аж морозит от избытка пошлости. Лучше бы шалавой была. С шалавой бы и разговаривать не пришлось, можно послать подальше со спокойной совестью, и все дела. А так...

– Заму-у-уж? Вот, значит, ка-а-ак? – насмешливо пропела Стасечка, не отрываясь от важного дела. И тут же скользнула по ее лицу гримаска ужаса – очередная спираль выскочила из щипцов слегка подпорченной, выбилась из общего фона. О да, ужас, конечно. О, ужас-ужас.

Катя подумала грустно – зря она этот разговор затеяла. Можно было потом Стасечку перед фактом поставить – так, мол, и так, замуж вышла. По крайней мере, не пришлось бы пробиваться через ее равнодушную насмешливость и свою же собственную обиду, будь она неладна. Да, обиду! Сколько ни делай скидку на «Стасечку», а все равно обидно! Ей же важнее, чтобы качественная спиралька получилась, а не новость о дочернем замужестве!

– Надо же, замуж... И что, прямо по-настоящему? И штамп в паспорте будет, и фамилию сменишь? – тем же глумливым тоном пропела Стасечка, снова наматывая неудавшуюся прядь на щипцы.

– Да, конечно... И штамп в паспорте, и фамилию... – нервно пожала плечами Катя.

– А не жалко?

– Чего не жалко? Паспорта? Или фамилии?

– Да, ты права, наверное. Жалеть нечего. Фамилия у нас с тобой самая простецкая – Петровы. Из серии Иванов, Петров, Сидоров. Да, согласна, фамилию не жалко. А какая у тебя после замужества будет?

– Романова.

– Что ж... Все лучше, чем Петрова. Но тоже не подарок... Зато имя! Имя у тебя какое, а? Екатерина Львовна! Единственное, что тебе от папашки твоего досталось, – шикарное отчество! Хотя я не хотела Львовной записывать... Он же, поганец, сразу слинял, когда я ему о своем интересном положении объявила...

– Не надо подробностей, а? Пожалуйста. Мне все это не интересно.

- Да ладно... Не ври. Сама же меня про отца в детстве спрашивала.
- Ну, спрашивала, и что? Когда это было? Не беспокойся, больше не буду. И без того понятно, что нет у меня никакого отца.
- Не хами. Я не заслужила. Я ж все-таки тебя родила, аборт не сделала.
- Тебе бабушка не разрешила!
- Да кто бы стал спрашивать твою бабушку, ос-с-спади! Я тебя родила, я тебя Екатериной Львовной записала! Правда, на свою фамилию...
- Бабушка говорила, что ты даже фамилию этого Левы не знала.
- Слушай, чего ты привязалась ко мне, а? С мысли сбила... Я о чем-то хорошем сказать хотела... Забыла. О чем я, а?
- Что имя у меня особенное.
- А! Точно! Я ведь поначалу и не поняла, что с именем-то! Это уж потом до меня дошло... Екатерина Львовна! Леди Макбет Мценского уезда! Лесков! Хотя... Чего это я бисер мечу? Ты же книг не читаешь, дружок. Вот если бы я тебя воспитывала... А с моей несчастной матушки какой спрос? Что получилось из тебя, то и получилось.
- Можно подумать, ты у нас вся из себя читательница! Все свободное время в библиотеке проводишь, да?
- Конечно, дорогая моя. Я женщина начитанная, интеллигентная. Со мной есть о чем поговорить.
- Ага. Очень интеллигентная. К тому же дурных привычек не имеешь – не пьешь, не куришь, не работаешь...
- Да. Совершенно верно. Ни дня в своей жизни не работала, тем и горжусь. Не всякой женщине так удается, между прочим. Лишь той, которую мужчины любят баловать бездельем. А меня – любят. Хотя моя женская природа и на любителя, но...
- Ох, с каким достоинством Стасечка произнесла последнюю фразу! Чуть откинув плечи назад, с прищуром вглядываясь в свое зеркальное отображение. Судя по тому, как дрогнули губы в полуулыбке, осталась «женской природой» весьма довольна.
- Катя хмыкнула, вздохнула тихо. Понятно, Стасечка в своем репертуаре. Нет, как можно про себя так сказать – я на любителя? Наверное, только Стасечка способна устроить подобные пляски эмоций вокруг жалкого достоинства содержанки... Не понимая, что на сегодняшний день это все лишь обманная фанатерия стареющего, но пока не утратившего былую аппетитность розового тела. Глупая, странная энергия самодовольства. Всепобеждающая уверенность в своей сексуальности. Другая б на ее месте «со стыда сгорела», как любила говорить бабушка, а этой... Этой толстой стрекозе все равно. Даже гордится тем, что перетекала розовым тельцем из рук в руки, прыгала из постели в постель, а в перерывах между руками и постелями жила в ожидании нового «любителя». То есть его кошелек. У нее даже своя философия на эту тему была – мол, состоятельные мужчины предпочитают полных женщин. И хорошо, что ожидание очередного «любителя» на долгий срок не затягивалось, и домашним присутствием Стасечка их никогда не обременяла. На нервы не действовала, и на том спасибо. Хотя – какое уж там спасибо, если по большому счету... Бабушка хоть и горевала свое материнское горе, но в себе его не прятала. И в выражениях не стеснялась. Выскакивали в сторону Стасечки и «проститутка», и «шлюха», и «шалава» с «бляхой-мухой». Бывало, вместо «бляхи-мухи» и покрепче словцо выскакивало.
- Катя с бабушкой жили вдвоем. Как говорила бабушка – бедно, но чистенько. Чистенько – это потому, что бабушка у матери на Катину содержание-воспитание «грязных» денег не брала. Ни копейки. Да и мать заходила к ним не часто. Примерно раз в полгода. На Катин день рождения и на Новый год. Правда, в сам день рождения никогда не попадала, забывала дату, наверное. Но плюс-минус неделю как-то угадывала. И про подарок тоже забывала. Вплывала вальяжно в квартиру, садилась на диван, глядела на Катю насмешливо, как на диковинного

зверька. Даже беседовать пыталась, но бабушка не давала, наперед отвергая все Стасечкины вопросы. А потом Стасечка небрежным жестом открывала модную сумочку, молча протягивала бабушке несколько купюр. Бабушка фыркала, отказываясь. Стасечка тем же небрежным жестом опускала купюры обратно, пожимала плечами, вздыхала трагически. И так – из раза в раз, как некое ритуальное действие. Мое, мол, дело предложить, ваше – отказаться. Засим спасибо, до свидания, будьте здоровы, до новых встреч...

Когда Стасечка уходила, бабушка открывала все окна, чтобы выветрить запах сладких духов. Потом, выставив на дверь палец и зверея лицом, шипела сердито:

– Вот, вот! Ты видела это, Катерина? Видела? Никогда не будь такой... Позор, позор на нашу с тобой голову... Лучше в бедности да в честности жить, чем вот так... Учись, Катерина, изо всех сил, становись умной и гордой бабой! И крепкой! Чтобы обрабатывать саму себя да жить достойно, никогда ни от кого не зависеть. Учись, профессию хорошую получай, старайся изо всех сил.

Катя старалась и училась именно так, «изо всех сил». На одни пятерки. А бабушка умерла в тот день, когда она сдала последний экзамен в школе, будто подгадала. Катя получила свою последнюю пятерку, бежала домой, как на крыльях. Прямо с порога закричала про эту пятерку, а бабушка не ответила... Лежала на диване, тихая вся, спокойная. Из кухни несло горьким хлебным духом – в духовке догорал пирог с капустой. Ее с экзамена ждала, хотела отпраздновать. Видно, прилегла на минутку и заснула... И умерла во сне. Самая легкая смерть... Как сказала соседка через слезу, когда бабушку хоронили, – заслужила наша Татьяна Сергеевна. Вон, даже даты на памятнике прозрачно смотрятся – год рождения тысяча девятьсот десятый, год смерти – тысяча девятьсот восьмидесятый. Значит, так надо было...

Бабушку хоронила Стасечка. На свои «грязные» деньги. Даже всплакнула на кладбище, красиво утирая слезу кружевным платочком. А Катя решила на выпускной не ходить, проявляя тем самым некую солидарность бабушке против Стасечки. По крайней мере, ей так казалось, что она солидарность проявляет. Хотя Стасечка на выпускном настаивала, даже сама собиралась с ней пойти, и даже платье себе новое купила... Глянув на это платье, Катя с еще большей решительностью замотала головой – не пойду, и все тут! Что это за платье – вся грудь наружу! Позорище!

После похорон Стасечка переехала в их с бабушкой квартиру со всеми платьями, пудреницами, халатиками, туфельками и духами. Как выяснилось, она давно уже у приятельницы жила. Наверное, очередного любителя на тот момент не сыскалось... Упал спрос на розовое мясо, не так молода была Стасечка. Еще каких-то три года, и ударит сороковник неумолимый.

Катя смирилась. А что было делать? Квартира и ее тоже была, Стасечкина. Она в ней родилась, выросла. Опять же прописана была... Никуда не денешься, пришлось терпеть. Приспособливаться как-то к вражескому присутствию.

В то лето Катя поступила в медицинский. И сама удивилась, что поступила, все экзамены на пятерки сдала. Наверное, потому, что бабушка мечтала про медицинский. Хотела видеть внучку врачом в качестве компенсации за легкомыслие дочери. Еще бы – такая серьезная профессия! Серьезнее некуда! Конкурс был огромный, но она все равно поступила.

Правда, обрадовать хорошей новостью было некого. Особо близких подруг у нее не образовалось, не умела она дружить. Все время подвоха ждала, не верила никому. Тем более, все одноклассницы были в курсе про «Стасечкину жизнь»... Стасечка, Стасечка! Всю картину жизни портила ей Стасечка. И в тот день, когда увидела свою фамилию в списках зачисленных и вернулась домой, Стасечка так же сидела перед зеркалом, накручивала волосы на щипцы. Тогда они были не белые, а ярко-рыжие. Стасечка на Пугачеву равнялась. Выслушала Катины новости, пропела, как обычно, удивленно-насмешливо:

– В институ-у-у-ут? В медицински-и-и-ий? Врачом будешь, да-а-а-а?

Катя вздохнула, сжала зубы – ну вот что с нее взять, как с ней разговаривать?.. Не получалось у нее привыкнуть к этой тональности, к этой уничижительной снисходительности в голосе, которая вгрызалась обидой в нутро, разрывала на части. Это ведь еще уметь надо – ввинтить в голос такую фишку обидно-насмешливую, от которой горло перехватывало желчным спазмом. Еще и взгляд прибавить Стасечкин хитренький, востренький, и губки бантиком, и подрисованную бровку дугою на взлете. Фу...

Да, лучше не вспоминать об их совместном со Стасечкой проживании. «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань», – хорошо сказал классик. Тем более, если трепетная лань заняла собою почти все квартирное пространство. Даже на кухню нельзя было лишний раз войти – насквозь пропахла сладкими Стасечкиными духами. В чай она себе их добавляет, что ли?

Катя старалась как можно меньше бывать дома. Устроилась на ночную работу – сторожихой в детский сад. Место хорошее, сиди себе в тепле, зубри анатомию. Бабушка так хотела, чтобы она стала врачом! Уважаемым человеком! Хотя уже на первом курсе Катя поняла – явно ошиблась с выбором профессии. Какой она, к черту, врач, уважаемый человек? От вида крови тошнит, в анатомичке в обморок падает... Но обратного пути все равно не было – поздно метаться с выбором. Надо получать заветный диплом и отправляться куда-нибудь по распределению, подальше от Стасечки... Тем более, та вовсю пыталась использовать квартиру как плацдарм для устройства привычного «содержания».

В то время в «содержателях» Стасечки числился некто Вениамин, плотный моложавый дядечка неопределенного возраста с хитрыми глазками. Когда знакомился с Катей, почему-то представился – Веник. И добавил снисходительно – не смущайся, мол, это вполне уместно... Я добр, чертовски умен и в меру легкомыслен для Веника. А еще лучше – Венички...

Ну, Веник так Веник. Пусть даже и Веничка. Ей, собственно, все равно было. Лишь бы не лез. Пришел к Стасечке – общайся со Стасечкой. Телефон в квартире есть, звони, обговаривай заранее время своих похотливых визитов. Но ведь нет же! Пришла однажды из института домой – а там Веник... Зачем, спрашивается, приходите, когда Стасечка где-то шляется? Ах, вот оно что... Оказывается, его добрая Стасечка ключами от квартиры снабдила. Ну, это уж ни в какие ворота! И как тут не вспомнишь мысленно все бабушкины слова, направленные в адрес непутевой дочери?

– ...Да не хмурься, Катенька, тебе не идет... Давай лучше чаю выпьем. Я принес отличный английский чай, даже заварить успел.

– Не хочу я вашего чаю...

– Ой, как невежливо! Или ты решила, что чашка чаю из моих рук тебя к чему-то обяжет?

– Ага, только попробуйте! Обяжет! Щас! Не на ту напали!

– Да у меня и в мыслях нет, Катенька! Я к вам в квартиру просто забрел... Шел себе по улице, страдая от душевной тоски, от созерцания грубости мироустройства... Дай, думаю, зайду.

– Ну да. У нас же тут проходной двор. Все мимо идут и все заходят, кто от тоски страдает. А еще тут все грубости мироустройства чудесным образом превращаются в нежности мироустройства.

– Не сердись, Катенька. Лучше побеседуй со мной. Просто так, просто за чашкой чаю.

– Пусть Стасечка с вами беседует, а мне недосуг. У меня сессия на носу.

– Ну, чашка хорошего чаю в любом случае тебе не повредит. Я и пирожные принес. Картошку. Свежайшие, между прочим. Ты любишь пирожные, надеюсь?

– Ладно, черт с вами, давайте... Но только без единого движения в мою сторону! Я закричу, соседи сразу прибегут!

– Катенька, Катенька... Неужели я похож на идиота-наильника? Не снижай мне самооценку, я в последнее время и без того достаточно рефлексирую. Возраст, знаешь ли, магнитные бури... Тебе чаю покрепче сделать?

– Да. Спасибо.

Первые пять минут совместного чаепития прошли в молчании. Катя, наслаждаясь пирожным, смотрела в окно. Веник смотрел на Катю. Никакой неловкости от его разглядывания Катя не чувствовала – ей все равно было. Кто он такой вообще? Всего лишь Стасечкин содержатель... Одно это уже опускало мужчину на самую нижайшую ступень человеческого развития в Катином понимании.

– У тебя очень, очень интересное лицо, Катенька. Я бы даже сказал, не само лицо, а положение пропорций интересное.

– А у лица бывает положение пропорций? Первый раз слышу про такое.

– Да что ты! Это же самое главное! Притягательность женского лица вовсе не предполагает идеальных пропорций в чертах! Тут, знаешь, другое... Тут уж как природа распорядится с обаятельным наличием либо отсутствием всяких пропорций... Бывает, смотришь на иную женщину и поражаешься – казалось бы, черты лица правильные, даже классически правильные, и профиль греческий, и кожа нежна, как бархат... А фишки-изюминки нет. Не хватает чего-то. Взгляд не притягивает, дыхание не останавливается. Не лицо, а холодная бесталанная поделка, хоть и качественная. Нет, красота женского лица – тайна великая есть... Тайна природы положения... Вот как твое лицо, например!

– Хм... По-моему, обыкновенное лицо. Я знаю, что некрасивое, но меня вполне устраивает.

– Некрасивое, говоришь? А вот и ошибаешься! – чуть подался корпусом вперед Веник, снисходительно улыбаясь. – Да, если следовать стереотипам, ты права. Оно и впрямь некрасивое. Глазки у тебя близко друг к другу посажены и круглые, как у тараньки, носик неровный, рот совсем плохо обозначен, кожа тонкая и бледная, с серым оттенком, как туалетная бумага самого низкого качества...

– Но-но! Я бы попросила вообще-то! Сами вы – туалетная бумага, понятно?

– Да погоди гневаться, Катенька! Я же как раз хочу о природе пропорций растолковать! Ну да, цвет лица бледно-серый, но другой цвет тебе и не нужен. Этот аккурат в яблочко... Ведь что у нас получается? Получается, что и цвет лица, и все некрасивости эти, на одном лице так удачно совмещенные, как раз красоту и делают! Притягивают магнитом странного обаяния, идущего, как все самое интересное и талантливое, от противного... Абсурд, но так оно и есть, ни убавить, ни прибавить! Вот погоди, погоди! Пройдет еще лет десять, и такие лица станут украшением всех модных гляцевых журналов! Потому что парадокс! Потому что цепляет неразрешимой загадкой – как так? Вроде некрасиво, а на самом деле – глаз не оторвешь... Запомни, Катенька, самое красивое всегда сидит в неправильном! Эх, жаль, что сейчас на дворе тысяча девятьсот восемьдесят седьмой... Через время не перешагнешь. Не повезло тебе со временем, Катенька, никто твоей особенности сегодня не увидит и не оценит, сегодня кукольные личики в моде. Но если уж разглядит какой мужичок, я думаю, в ту же минуту пропадет. Это ж такая фишка... Чего так на меня смотришь? Не веришь, да?

– Не-а. Не верю. Бред несете. Красивое, оно и есть красивое, при чем тут фишки какие-то?

– Ну и зря. Надо в саму себя верить, Катенька. И ценить саму себя.

– Да я себя нормально ценю, не беспокойтесь. А можно, я еще одно пирожное съем? Очень вкусно...

– Ешь, ешь! Ради бога! Кстати, это тоже твое природное преимущество – ты никогда не будешь толстой. Потому и походка у тебя такая... Идешь, будто никого кругом не замечаешь, будто ты одна на этой земле, совсем одна...

– Хм... А вот с этим вы в точку попали. Действительно, одна. Даже опереться не на кого.

– А хотелось бы?

– Не то слово.

– Что, замуж хочется?

– Хм... Хочется – это не про меня. Мне замуж надо, как бы это сказать... Во что бы то ни стало. Я ж ординатуру заканчиваю, скоро по распределению ехать. Жду не дождусь этого момента, давно лелею мечту от Стасечки убежать. А по распределению лучше с мужем ехать, это же очевидно.

– Да, я тебя понимаю... И мой тебе совет, Катенька. Если вдруг откроется достойному пареньку твоя фишка – хватай его сразу. Потому что это – как вспышка! Увидел – ослеп! Пока он моргает да протирает глаза, глядишь, уже и клеймо в паспорте шлепнуто...

Катя удивленно подняла брови – надо же, как ловко Веник в самую точку попал. Озвучил ее тайные мысли. Никогда она не мечтала о романтических ухаживаниях, о цветах под лунной и конфетах. Всегда хотела только мужа – конкретного, осязательного, своего собственного. Чтобы на плечо опереться, чтобы всегда рядом был. Устала уж одна маяться... Да, и чтобы муж был настоящий, со штампом в паспорте, как доказательством принадлежности этого самого мужа только ей одной, законной жене! А как иначе? Другие варианты взаимоотношений с мужчинами она и не рассматривала. Да, вот бы случилось, как Веник сейчас говорит... Чтобы без романтических промежутков... Увидел и ослеп, и чтобы сразу штамп в паспорте!

Вздохнула, задумалась, глядя на Веника. А вдруг примерно такой Веник «ослепнет»? Ой, не приведи господь... И губы у него толстые, противные... Как его Стасечка терпит? С ним же целоваться надо! Кстати, он спрашивает чего-то...

– ...А ты вообще готова, Катенька, вот так... С ходу правильно сориентироваться, чтобы мужчину к себе привязать?

– Вы что сейчас имеете в виду? Секс, что ли?

– Тс-с-с, Катенька... Как недавно выяснилось, у нас в стране секса нет и быть не может... Видела тот легендарный телемост с Америкой?

– Не видела, но слышала... Смешно, да.

– Ну... Так и что у тебя в этой области, есть какой-никакой опыт?

– Опять же – к чему это вы? Никак, своим опытом делиться собрались?

– А чего ты смеешься? Зря, между прочим... Я многое умею, детка. Кстати, вполне искренне себя предлагаю, не пошлой мужицкой корысти ради.

– Ой, я вас умоляю, Вениамин... Приберегите для Стасечки свои умения, а мне без надобности.

– Так уж и без надобности? Ты уверена?

– Абсолютно!

– Тогда должен тебя огорчить – ты глубоко ошибаешься, детка. Чтобы построить крепкую семью, женщина должна многое уметь.

– Странный вы человек, Вениамин... Неужели вы думаете, что я, несколько лет прожив бок о бок со своей матерью... Да и в детстве наслушавшись про ее разгульную жизнь... Неужели вы думаете, что свою семью я начну строить именно с этого? Нет уж! Я считаю, что в семье это как раз не главное.

– А что главное?

– Главное? Ну... Главное – это добрые отношения между мужем и женой... Хорошее жильё, достаток, дети... Уважение людей, в конце концов...

– ...И никакого секса?

– Да что вы пристали ко мне с этим дурацким сексом! Не все же кругом так им озабочены, как вы, как Стасечка!

– Но ведь ты собираешься любить мужа, детка?

– Конечно, собираюсь! Безусловно! Но я буду любить его совсем не так... Как вы имеете в виду! То есть... Не только так... Не ваше дело, в общем, как я буду любить своего мужа.

– У-у-у... Как все запущено. Значит, семью собираешься заводить, а секса тебе не надо. То есть хочешь начать строить дом, но не с фундамента, а сразу с крыши. Забавно, забавно. Но, к сожалению, должен тебя огорчить... Так не бывает, милая. Не получится из твоих фантазий ничего хорошего.

– При чем здесь фантазии? Все у меня получится! И муж у меня будет хороший. И дом.

– Ага, ага. Называется – нарисуем, будем жить. Только не всегда нарисованное в голове в жизнь проецируется. Зря ты не хочешь учиться, зря.

– Это у вас со Стасечкой надо учиться, что ли? Не смешите!

– Да, да... Я понимаю, конечно, мать для тебя далеко не авторитет, скорее наоборот, но... Как же ты, моя девочка, жить-то будешь? Жалко мне тебя, несчастная фантазерка... Эх ты, нарисуем – будем жить... Так и будешь всю жизнь рисовать, рисовать...

Веник протянул через стол руки, осторожно огладил Катю по плечам, заглянул в глаза. Она отшатнулась, брезгливо сбрасывая с плеч его ладони:

– Но, но! Аккуратнее, пожалуйста! Я Стасечке все скажу!

– Давай, скажи... Вместе посмеемся.

– Да пошел ты... Козел. А говорил, и в мыслях нет...

– Если, Катенька, я и козел, то козел очень добрый и сочувствующий. Ты подумай над моим искренним предложением. Это тебе больше нужно, чем мне.

– О господи! Нет, все-таки не понимаю и никогда не пойму... Что вы со Стасечкой за люди такие, а? По копеечкам себя и свою жизнь меняете, еще и гордитесь этим... Надо стыдиться, а вы гордитесь...

– А ты, значит, по копеечкам не меняешься? С полным рублем жить будешь? С одним-единственным, чтоб никогда-никому? Погоди, как это... Умри, но не отдай поцелуя без любви?

– Да! Я с рублем! И с поцелуем! Именно так, и никак иначе!

– Ну-ну... Бог тебе в помощь, Катенька. И что, есть уже на примете такой рубль-поцелуй, один-единственный?

– Есть. Не беспокойтесь. Все у меня есть...

На самом деле не было у нее никого. И даже перспективы мало-мальских серьезных отношений на горизонте не высвечивалось. А от «несерьезных» она шарахалась, как от чумы. Чтобы как Стасечка – да ни боже мой! Да никогда в жизни! Иногда, правда, с тоскливым страхом думала о своей девственности – стыдно, наверное, в таком возрасте. А с другой стороны... Пусть уж лучше так! Если не мужу законному – вообще никому! Да и без мужа можно прожить в принципе. Не судьба, значит.

Но, как оказалось, все-таки судьба. Капризная вещь эта судьба, сама собой вдруг разворачивается, когда и не ждешь от нее подарков. Да уж, не было ни копыя, да вдруг алтын.

Судьба повернулась к ней в лице Паши Романова. И не просто так Паши Романова, а самого Паши Романова! Недоступного красавца Паши Романова, мечты всех девчонок с их потока! Уж какие интриги вокруг Паши не плелись, какие узелки не завязывались...

Паша ни на кого не смотрел. Паша учился. Истоиво, как молодой Ломоносов. Никто и не удивился, когда он выбрал специализацию. Конечно же, хирургия, а как иначе? Все преподаватели в один голос твердили, что Романов – это особый случай таланта, один на тысячу. Самородок. Он и внешне на Ломоносова был похож, такой же высокий, светловолосый, косая сажень в плечах.

Так получилось, что они вместе попали в ординатуру. Паша – к хирургам, Катя – к терапевтам. Больничка была небольшая, но считалась очень хорошей. И коллектив был более-менее дружный, не злой, не спившийся. К ординаторам был вполне благосклонен, дедовщину в любом ее проявлении не приветствовал. И на стихийном застолье в честь женского празд-

ника Восьмого марта все расселись не по регалиям, а как бог на душу положит. Катя оказалась напротив Паша по другую сторону стола. Он хлебнул из стакана, отхватил зубами полбутерброда, поднял на нее глаза... И вдруг перестал жевать. Смотрел, не отрываясь, удивленно-испуганно, будто видел впервые. А может, и впрямь впервые. Раньше просто скользил по ее лицу равнодушно, бросал при встрече торопливое «привет», сопровождающееся такой же равнодушной полуулыбкой, а тут... Глаз не мог оторвать. Глупо звучит, но Веничка таки прав оказался... Смешно, но факт. Даже свой внезапный ступор Паша пытался объяснить так же, как Веничка, – какая она якобы особенная в своей красоте. Непохожая на других. Штучная. Неповторимая. Хорошо, хоть про «фишку» ничего не сказал, а то бы уж совсем тютелька в тютельку... В общем, увидел – и все. И любовь. Навсегда и навеки.

Она поначалу не поверила своему счастью. Сам Паша Романов, надо же! Потом обрадовалась, даже кокетничать не стала, строить из себя гордячку неприступную. Честно ему про себя все выложила, как есть, – и про «чистенькое, но бедненькое» детство с бабушкой, и про Стасечку, и о том, как ей замуж хочется. Чтобы фамилию сменить, судьбу сменить, уехать от матери подальше, чтобы никогда, никогда больше...

– ...Понимаешь, Паш, ужасно тяжело плавать в ее насмешливом небрежении. Когда постоянно в нем плаваешь, начинаешь верить, что весь мир вокруг тебя – одно сплошное насмешливое небрежение. А всяческая там серьезность, семья, любовь, счастье как таковые напрочь отсутствуют, растворились в нем, как в серной кислоте...

– Понимаю, Кать. Понимаю. Да, семья – это такая жизненная необходимость... Это как тыл. Как опора. Я ведь тоже без родителей, у тетки вырос... Она умерла, когда я на втором курсе учился. Теперь у меня, кроме тебя, никого нет.

– И у меня – никого...

– Ты выйдешь за меня замуж, Кать?

– Ой... Ой! Это ты серьезно?

– Серьезнее некуда. Я вообще парень серьезный.

– Ну конечно же, Паш... Да, да, конечно! Я согласна, да...

Она отдалась ему с легкостью на скрипучей железной коечке в общежитии, под аккомпанемент гитарного перезвона из соседней комнаты и Пашиного многократно повторяемого – ты моя жена, Кать... Теперь ты моя жена... Это он так, стало быть, к факту ее девственности отнесся, с перепугу и про любовь не сказал ни словечка. Все жена да жена. И без того понятно, что жена!

У Паши было большое красивое тело. Не нарочито мускулистое, но крепкое. И теплая гладкая кожа. Она с удовольствием прижималась к нему, водила ладонью по плечам, по груди. Теперь это было ее тело. Потому что это ее муж, неприкосновенная собственность. И чувство безграничного владения собственностью волновало ужасно... Даже то, что между ними произошло, не так ее заботило. Ну, произошло и произошло, подумаешь. В медицине это вообще называется достаточно грубым словом – дефлорация. Немного больно было, потом боль прошла. Не стоила сама по себе дефлорация того, чтобы всякие эмоциональные пляски вокруг наплясывать и поэтические хороводы хороводить. Да и не почувствовала она ничего такого, о чем пытался ей толковать Веник. И потом, когда это еще раз произошло, и еще... Тоже не почувствовала. Да и не старалась, в общем. То есть не закидывалась по этому поводу. Даже нарочито избегала возможности уплыть в незнакомые ощущения. Зачем? Нет уж! Надо всегда держать голову трезвой! Пусть Паша за двоих ощущает и чувствует, а она свою порцию ощущений и чувствований, положенных природой на это дело, ему презентует. Ей хватит того, что она – владелица... И тела Пашиного, и души. Сладкое, сладкое чувство владения и контроля! Паша не владеет собой в момент близости, а она – наоборот! Она и должна себя в рамках держать, она ведь ему жена... Кстати, само слово «жена» – тоже сладкое. Прекрасное, чудное слово,

звучит, как музыка. Екатерина Львовна Романова, жена Павла Романова. Умного, красивого, талантливого хирурга с большими перспективами. Да, жена! Не какая-нибудь Стасечка...

– Замуж, значит, выходишь? Ух ты-ы-ы... Надо же-е-е...

Катя вздрогнула, снова перенеслась в диалог со Стасечкой. Да, Стасечка, вот она. Солнечный свет из окна, зеркало, щипцы, спиральки. Много спиралек. Плюс томительно замедленное перекидывание ноги на ногу.

– Да, выхожу.

– И что же дальше? К мужу уедешь?

– Не к мужу, а за мужем. Мы распределились уже. В Васильевскую районную больницу.

– Это где же такое? Что за тьмутаракань? Это город или деревня?

– Если больница районная, значит, город. Васильевск, стало быть.

– Да где, где это?

– Не знаю. Паша говорит, на Урале. Или за Уралом... Не помню. Да мне без разницы по большому счету... Главное, там жилье дают. Благоустроенное. И от тебя далеко.

– Хм... Что ж. Счастливо тебе, дорогая. Надо же, вра-а-ач... Жена-а-а-а...

Стасечкина тягучая насмешливость толкнулась в грудь, и Катю снова слегка передернуло. Страшно захотелось бросить в ответ что-нибудь грубое, отвести душу... Но вместо этого произнесла тихо, с металлической ноткой в голосе:

– Я уеду и больше никогда не вернусь. Ни-ког-да.

– Ой, испугала! Да езжай на здоровье в свою тьмутаракань, жалко, что ли? Нашла чем удивить...

– Я тебя не удивляю. Я тебя ставлю в известность. Только и всего.

– Да поняла я, поняла... Ты уезжаешь и больше никогда не вернешься. А может, из квартиры тоже выпишешься? Если уж никогда, как ты говоришь, то и прописка тебе ни к чему!

– Да пожалуйста. Завтра же схожу и выпишусь.

– Ой, правда? Премного обяжешь, дружок... А я, знаешь, Веника пропишу, он давно спрашивал о такой возможности. С твоей-то пропиской этого нельзя было, там по каким-то нормам квадратных метров не получается. Нет, как хорошо все устраивается, правда, дружок? Может, и я свою жизнь устрою... И тоже замуж выйду...

– За Веника?

– Нет, Веник женат...

– А зачем тогда его прописывать? А впрочем, это уже не мое дело. Поступай, как знаешь.

– Да, я подумаю. Вообще, я бы замуж хотела, да... И чем черт не шутит! Хоть раз в жизни надо попробовать, что это такое.

Стасечка живо развернулась от зеркала, с интересом оглядела Катю, будто пыталась прицениться к ее новостям. Потом снова стянула пухлые губы в привычной насмешливой гримасе, хохотнула коротко:

– Жена, надо же... Кто бы мог подумать... Такая бука неуклюжая, и чья-то жена...

* * *

Свадьбы у них с Пашей не было. И расписались тоже быстро, почти бегом. На поезд опаздывали. Специально так подгадали – чтобы расписаться и в тот же день уехать по распределению. Нет, никто бы от свадьбы не отказался, конечно, какой же девушке не хочется фату и белое платье? И чтобы на нее все любовались в этот день, и желали всяких милых глупостей? Но... Откуда у них деньги на свадьбу? Даже на самую скромную свадьбу деньги нужны... Ни у нее, ни у Паши денег не было. Совсем.

Единственное, что смогли себе позволить, – билеты в СВ. Паша расстарался, несколько ночей подряд халтурил на разгрузке вагонов. И вот он, результат, купе на двоих с мягкими диванами, небывалая роскошь.

В купе открыли шампанское, выпили за новую жизнь. Сказали сами себе «горько», поцеловались. Когда оторвались друг от друга, поезд уже тронулся, поплыл мимо вокзальный перрон. По перрону шли люди, улыбались. Чьи-то провожающие. Их с Пашей никто не провожал, конечно же. И хорошо! И не надо! Все получилось, как она хотела! Главное – Стасечку с глаз долой, из сердца вон... Хотя из какого сердца, ее и не было там никогда!

У Кати слегка закружилась голова. И от счастья, и от того, что беременная была. Залезла с первого раза, с того самого, на коечке в общежитии. Молодому мужу только предстояло узнать радостную новость.

Паша, конечно же, новостью был счастлив. Она и не сомневалась в его реакции, другой просто быть не могло. Такая вот у них свадьба странная получилась – два счастливых дорожных дня в мягком вагоне. Можно сказать, и свадьба, и свадебное путешествие в одном флаконе. Два дня любви и объятий по пути в заветную тьмутаракань, где им посулили благоустроенное жильё...

Тьмутаракань оказалась ничего себе городком, довольно славным. Улочки разбросаны на холмах, много зелени, церковка белокаменная стоит, со всех сторон ее видно. Пока ехали на такси до больницы, слышен был малиновый звон колоколов. Таксист оказался дядькой приветливым, болтал без умолку, нахваливал родной городок Васильевск, будто они заранее сомневались в его достоинствах. Ну, Васильевск и Васильевск, подумаешь. Какая им разница. Главное, у них семья. Главное, жильё дадут. И работа будет. И зарплата. И все, все будет... Не может не быть!

Само больничное здание тоже смотрелось достойно, слава богу, не развалюха. И внутри хорошо, видно, что ремонт свежий. И главврач оказался на месте, только-только пришел с утренней оперативки. Обрадовался им, как родным...

– А! Наконец-то! Молодые специалисты. Долгожданные. Ну, давайте знакомиться. Я Маркелов Иван Григорьевич, главный врач... А ты, значит, Павел Романов, да?

– Да... Я Павел Романов, – немного растерянно подтвердил Паша, видимо, удивившись фамильярному «ты».

– Вот ты какой, Павел Романов... Молодец... Сразу видно, серьезный хлопец. Не зря, не зря мне тебя рекомендовали!

– Кто рекомендовал? – еще больше удивился Паша.

– Да однокашник мой, Борька Светлов! Ты у него в ординаторах был.

– Борис Михайлович?

– Да, да... Борис Михайлович. Хвалил он тебя шибко. Говорил, даже остаться после ординатуры предлагал, да у них при больнице ни жилья, ни общежития нет... А тебе, я так полагаю, жильё нужно, ведь так?

– Да, нужно. Вот, я с женой... Она тоже к вам распределена, мы вместе...

– Понял, понял! Петрова Екатерина Львовна? – с улыбкой глянул на Катю главврач.

– Да, я Екатерина Львовна. Только не Петрова, а Романова.

– А! Ну, конечно же! Прошу прощения. Правда, ставки терапевтов заняты все... Есть одна, но на сельском приеме. У нас в районе фельдшерские пункты не во всех селах есть, поэтому ставку терапевта на сельский прием специально в области выбивали. Аккурат для вас получилось... Не ахти, конечно, но что могу...

Катя чуть разочарованно пожала плечами. Звучало действительно не ахти – терапевт на сельском приеме. Но выбирать не приходилось, учитывая ее интересное положение. Тем более, главврач Маркелов, судя по всему, ее разочарования не заметил – снова заговорил с Павлом:

– А вот хирург нам просто позарез нужен! Хозяйство-то не маленькое – и поликлиника, и стационар. И отделений много. Терапия, инфекция, неврология, педиатрия, хирургия опять же. Раньше были еще наркология и психиатрия, но пришлось закрыть, денег не дали. Говорят, жирно для вас. Теперь в область направления даем...

– А хирургия на сколько коек? Большая? Сколько операционных? Сколько хирургов? – заторопился с вопросами Паша.

– погоди, не спеши... Сам все увидишь, – усмехнулся Маркелов, глядя на него одобрительно. – Я ведь почему тебя жду-то, как из печи пирога! В общем, будешь хирургическим отделением заведовать. Да, вот так! Сразу в бой! И оперировать будешь сам! Некому, брат, некому... Такие вот дела... Беда у нас с хирургией. Зашиваемся.

– Что, ни одного хирурга?

– Нет, почему... Есть у нас Лидия Васильевна, но ей давно на пенсию пора, жалуется, что ручонки дрожать начали... Да и не хирург она по большому счету, только и делов, что аппендициты ковырять насобачилась. Ну, еще грызjonку какую несложную... Так что давай, хирург Павел Романов, ныряй в работу резко и с ходу, времени на адаптацию у тебя нет. Даю тебе полный карт-бланш, практически на амбразуру кидаю! Не подведи!

Катя почувствовала, как Паша напрягся. Коротко вдохнул, решительно выдохнул, проникшись лозунгами Маркелова. И не удивилась даже, когда, пружинисто подскочив со стула, твердым шагом направился к двери. Лицо Маркелова удивленно вытянулось:

– Эй, погоди... Ты куда?

Паша обернулся от двери, глянул на него в упор:

– Так в хирургию, куда же еще... Сами сказали, времени у меня нет... Я готов, Иван Григорьевич.

– Тю! – еще больше удивился Маркелов. – Ишь ты, какой прыткий! Встал и пошел! Ты хоть поселись для начала, вещи в дом отнеси, погляди, где жить станешь! Иль молодая жена на своем горбу котомки попрет?

Паша смутился, улыбнулся неловко. Пожал плечами, глянул на нее растерянно, будто сейчас только обнаружил, что прибыл сюда с котомками и женой в придачу. Катя вдруг подумала – а что, и впрямь, наверное... Если б не эти досадные обстоятельства в виде котомок и жены, с удовольствием бы убежал бросаться грудью на амбразуру. А с другой стороны... Ужасно было приятно наблюдать, с каким одобрением смотрит на ее мужа Маркелов! С восхищением даже. Да, вот такой у нее муж... Умный, большой, надежный. Такому хоть что можно доверить. Красавец-мужик! Причем в самом достойном понимании этого слова.

– Ладно, идите, чего там... – резко махнул рукой Маркелов, дергая на себя ящик стола. – Вот, я и ключи от дома заранее приготовил, у себя держу... Бери ключи, Павел Романов. Устраивайся. Дом хороший, надеюсь, понравится. Будешь там жить с молодой женой, кум королю и сват министру! Держи!

Паша шагнул к столу, осторожно взял два ключика, соединенные кольцом, снова улыбнулся неловко:

– Спасибо, Иван Григорьевич.

– Идите, идите... Там, в доме, кое-какая мебелишка казенная есть, я распорядился, чтобы на первое время... Потом сами себе все купите.

– Спасибо...

– Да ладно, пустяки. Завтра с утра жду вас обоих, представлю коллективу. А пока – устраивайтесь. Или вам больше времени на устройство надо?

– Нет, нет! Нам хватит. Спасибо! – торопливо отказался Павел, пятясь к двери.

Но неугомонный главврач Маркелов на этом не успокоился. Глянув в окно, вдруг резво подскочил с места, открыл фрамугу и закричал кому-то на улицу:

– Надя! Надя, погоди-ка! Ты не домой идешь, случаем?

– Домой, Иван Григорьевич... – послышался с улицы немного виноватый женский голос. – Заболела, давление поднялось... Мне бы отлежаться пару деньков. А Татьяна Петровна меня подменит, я договорилась.

– Ладно, иди...

– А вы чего хотели-то, Иван Григорьевич?

– Да тут молодые специалисты приехали, ваши с Леной новые соседи, кстати. Надь, ты их захвати с собой, а? Заодно и познакомитесь. Вам теперь жить вместе! Покажи им все, рас- толкуй, что да как... Ну, по возможности...

– Да с удовольствием, Иван Григорьевич! А где они?

– У меня. Сейчас выйдут. Подожди.

– Ага, жду...

Отойдя от окна, Маркелов пояснил им быстрым и сиплым шепотом:

– Это Надежда Лесникова, соседка ваша нынешняя. Она у нас тут сестра-хозяйка. А муж ее, Леня Лесников, уролог. Хороший парень, тихий такой... И специалист отличный. Так что повезло вам с соседями, дом-то на две семьи рассчитан. Входы отдельные, а двор общий. Такой уж проект был... Но можно со временем забором отгородиться, если захотите. Ну, идите, идите, Надежда вас проводит, покажет все...

Высокая полная женщина ждала их около крыльца, разглядывала с доброжелательным любопытством.

– Это вы, значит, молодые специалисты? Здравствуйте. То есть добро пожаловать, конечно. Меня Надеждой зовут.

– А меня – Катей... А это мой муж Павел.

– Хирург?

– Да, хирург.

– Что ж, очень хорошо... У нас хирурга давно нет. Пойдемте, тут недалеко. Это что, все ваши вещи, да? – с удивлением оглядела Надежда два их жалких чемоданишка и рюкзак у Паши за плечами.

– Да, все.

– Ну, это не страшно... Если чего не хватит, я дам на первое время. Там ведь даже посуды нет...

Дальше они пошли гуськом – впереди Катя с Надеждой, сзади Павел с чемоданами и рюкзаком. Надя ступала тяжело, основательно и не торопясь несла крепкое полное тело. Катя нервничала немного, все время оборачивалась, покушаясь взять у Павла один чемодан, но тот лишь сердито мотал головой, отказываясь. Даже взглядывал на нее недоуменно – чего, мол, совсем уже? Какие могут быть чемоданы – в твоём-то положении?

За поворотом глазу открылась довольно странная улочка – вся выстроенная из новых домов, совершенно однотипных. Большие хорошие дома, аккуратно облицованные рейкой в елочку. Дома-пряники. Заборы у домов тоже были одинаковые, сколоченные из новых досок, еще не успевших почернеть под дождем и снегом.

– Ну вот, знакомьтесь, это и есть наш Маркелов переулок... – с гордостью произнесла Надя, махнув рукой вдаль.

– Маркелов? А почему Маркелов? – удивленно переспросила Катя. – Вон на том доме написано: переулок Лесной...

– Ну да, если официально, то переулок Лесной. Но мы все его называем Маркеловым переулком, стихийно как-то сложилось.

– Это что... В честь главного врача, что ли? Ивана Григорьевича Маркелова?

– Ага. Правильно догадались.

– А почему?

– Ну как почему? Не подхалимства же ради... Просто этот переулок – полная заслуга Ивана Григорьевича. Он и средства на строительство выбивал много лет, и само строительство проталкивал... Успел еще до плохих времен, сейчас ведь шиш кто чего даст. Лечиться все хотят, а чтоб о жилье медикам позаботиться да о зарплате – это извините-подвиньтесь. Наверное, уж и не придут никогда такие времена, когда о медицинской зарплате кто-то наверху задумается... А когда и придут, так мы уж старые будем. Если вообще доживем. Ой, заболтала я вас... Пойдемте, пойдемте! Вон наш дом, последний в правом ряду!

– А что, в переулке одни медики живут?

– Конечно! Иван Григорьевич строго за этим следит! Вон, до вас жила семья врачей... Тоже молодые специалисты. Сами решили уехать, а в дом родителей привезли. Это при том, что у родителей в городе квартира есть, а дом вроде как под дачу хотели. Иван Григорьевич специально в администрацию ходил, скандалил, чтобы их не прописывали! Нет, оно соблазнительно, конечно, места здесь красивые, и участок при доме полагается... Но ведь для медиков строилось! Вот вы бы приехали сейчас, а жить негде! Каково?

– А мы бы и не поехали, если бы жилье не обещали... – тихо проговорила Катя, глянув на Пашу.

– Так я о том и толкую! – поддержала ее Надя, останавливаясь. – Ну вот, мы и пришли... Сейчас я калитку открою, там замок хитрый...

Дом был абсолютно такой же, как и все дома в Маркеловом переулке. Дом-пряник, аккуратно облицованный рейкой. С каждого бока – по высокому крыльцу. Во дворе – травка зеленая, похожая на городской газон. И две тропинки от калитки, посыпанные мелким гравием. Справа у забора небольшое сооружение, напоминающее беседку – небольшой навес, под ним скамья с дощатым столом.

– Да, двор общий... – поймав ее взгляд, пояснила Надя. – Можно разгородиться, конечно, это уж как вы сами решите. А нам с Леней и так нормально... Кстати, вечером шашлыки можно пожарить, когда Леня придет. Мы там обычно отдыхаем, видите скамью под навесом? У нас и мангал имеется...

– Спасибо, Надя. Только нам бы устроиться для начала.

– Да, конечно, идите, осматривайтесь. А я пока ревизию наведу, какие у меня излишки посудные в хозяйстве есть...

Квартира Кате понравилась. Даже не ожидала такого великолепия. Кухня большая, светлая, на два окна, и гостиная большая, и еще две комнаты... В одной из комнат кровати стоят, рядышком сдвинуты. Видно, что больничные. И тумбочки рядом с ними больничные. Подсуетился Маркелов с казенной мебелью, заботу проявил. Приятно, конечно. Видно, что ждали их здесь. Вернее, Пашу ждали...

Вдруг ожил телефонный аппарат, примостившийся на тумбочке у кровати. Катя вздрогнула, глянула на Пашу:

– Это нам звонят, что ли?

Паша пожал плечами, осторожно снял трубку. И улыбнулся широко, благодарно:

– Да, Иван Григорьевич, да, отличное жилье, все понравилось... И хозяйке понравилось, да... Что? Еще мебель? Да не надо, наверное...

– Надо! Конечно, надо! – тихо прошелестела Катя, сердито замахав ладошками. – Тут ведь даже стола нет...

Вздыхнула, потом повторила уже громче, чтобы слышно было в трубку:

– Паш, здесь даже стола нет! Хотя бы на кухню! И стулья, хотя бы два...

– Да, Иван Григорьевич, спасибо... Только неудобно как-то... Спасибо, спасибо!

Положив трубку, Паша глянул на нее с легким укором:

– Неловко как-то людей напрягать, Катюш... Сейчас еще мебель привезут...

– Почему неловко? По-моему, нормально. Надо сразу себя ставить пупом земли, Паш! Если себя сразу не поставишь, так и останешься навсегда молодым специалистом.

– Ты это серьезно, Катя? Про пуп земли?

– Конечно. Тебя же тут ждали? Ждали. Ты же не из милости к ним на хлеба напросился. Вот и пусть стараются, если ждали! И ты не сбавляй себе цену! Потому что и без тебя найдутся те, кто ее собьет до минимума. Кстати, надо было зарплату сразу оговорить, ты же будешь хирургией заведовать...

Она не договорила – оборвала свою речь, наткнувшись на удивленный Пашин взгляд. И улыбнулась испуганно:

– Ты чего так смотришь? Я что-то не то сказала?

– Ну почему же... Все правильно. Просто у тебя тон менторский какой-то. Таким тоном глупая воспитательница в садике с детишками разговаривает. Или раздраженный начальник отчитывает нерадивого подчиненного.

– Нет, что ты! Тебе показалось, Паш... Наверное, я просто устала...

С ней и впрямь, она вдруг почувствовала, происходило что-то неладное. Странное было внутри ощущение. Такое бывает, когда заканчивается ожидание чего-то хорошего. Ждешь его, ждешь, волнуешься, летишь предвкушением... И вот оно, хорошее, явилось наконец. Вот оно все, как по нотам. Прекрасный муж Паша с потенциальной карьерой, прекрасное жилье, и даже от Стасечки уехала далеко-далеко... Все, больше ждать нечего. Начинай жить новой счастливой жизнью. Но – ожидания жалко... Нет прежнего подъема и прежнего душевного трепета.

– Прости, Катюш! Идиот я... Совсем забыл про твое состояние... Может, прилечь хочешь? У нас где-то кружка железная есть, можно чаю заварить...

– Нет, не хочу я прилечь. Вон, посмотри в окно, к нам Надя уже идет...

Надя, как и обещала, снабдила на первое время молодую семью всем необходимым. В ее хозяйстве после проведенной ревизии нашлись и кастрюлька, и сковородка, и чашки с тарелками. И половичок домотканый, и портьеры на окна не новые, но чистенькие и отглаженные.

– Не побрезгуете, Катя? – ласково взглядывая исподлобья, спросила Надя.

– Нет, что вы, спасибо... Только давай на «ты», по-соседски. Так проще, по-моему.

– Ой, да конечно! – радостно улыбнулась Надя. – Давай, я тебе помогу окна помыть. А постельное белье у тебя есть?

– Не-а. Потом купим, с первой зарплаты.

– Хм... А спать на чем будете? Нет, что ты, это не дело... Давай-ка мы так с тобой поступим. У меня на подотчете есть несколько новых комплектов казенного белья, больничного, я принесу тебе парочку...

– А можно? Тебе ничего за это не будет?

– Да ну... Спишу потом как испорченное, и все дела. Так окна мыть будем? И пол бы надо помыть... погоди, я ведро принесу! И швабру! Сейчас, Катюш, такой порядок наведем – любо-дорого посмотреть... Сама люблю, когда в доме чисто, чтоб все отмыто было до блеска! Мой Леня даже ругает меня – мол, на чистоте помешана. А чем плохо, правда?

– Спасибо, Надя. Но у тебя же давление...

– Да ничего! Когда хорошее дело делаешь, все болезни как рукой снимает! Давай начнем...

Так и началась ее новая жизнь – с уборки. Полнейшая проза. Правда, когда повесили портьеры на окна, когда расставили привезенную дополнительную мебель и постелили в гостиную домотканые Надины дорожки, немного веселее стало. Дом стал похож на дом. Ее – дом. Вернее, дом ее семьи...

А со следующего дня потянулись рабочие будни. Первый рабочий месяц перешел в следующий, июль плавно перетек в август... Пашу она практически не видела – как убежал с утра, так и пропал до позднего вечера в своей хирургии. Про нее будто забыл. Нет, он был вни-

мателен и заботлив, конечно, но... Не принадлежал ей всецело. И домой приходил уставший, выжатый как лимон. Что немного раздражало, конечно. Сначала немного, потом все больше и больше. И все время хотелось сказать ему что-то обидное, вроде того – заставь дурака богу молиться...

Нет, в самом деле! Чего уж так отдаваться всецело работе! А семья? А она, молодая жена? Почему она должна какие-то усилия предпринимать, чтобы хоть как-то обозначиться в его жизни? Еще и сказать ему ничего нельзя... Потому что ответить не соизволит, будет молчать в недоумении. Или выдавит из себя что-нибудь такое... Вроде как ситуацию объясняющее:

– Тебе сейчас вредно нервничать, Катя... Ты уж постарайся себя в руках держать, витаминки попей...

Ага. Какой, мол, с тебя спрос, с беременной. Лучше бы спросил, каково ей приходится на этом дурацком сельском приеме... Когда надо пухлые бабьи животы ощупывать да слушать эти бесконечно фольклорные «пресекло», «скрутило» и «обнесло». Или «в бок садануло». И пахнет от них навозом и коровами... Фу!

Хотя Паша бы этих разговоров не понял. Опять бы молчал и глядел на нее в недоумении. Хорошо, что у нее приятельница новая появилась, заведующая лабораторией Ольга Никитина. Как-то они сразу сошлись, хоть и немного странной была новая приятельница.

Да, Ольга была типаж особенный, такой в каждом коллективе отыщется обязательно. Женщина, которая все и про всех знает. Неоценимый типаж для новеньких, потому что адаптируется в новой среде мгновенно.

У Ольги для каждого коллеги припасена была короткая, но емкая характеристика. Например – «хороший парень, но пьет». Или – «с этой не связывайся, в долг возьмет, но отдать не подумает». Или уж совсем хлесткие характеристики были – «бабник», например, или «садистка». Или сквозь зубы брошенное – «жлобиха». Грубовато, конечно, звучало, но, как впоследствии выяснялось, было довольно близко к правде. Так что Катя в коллективе быстро освоилась и знала, с кем и на какой ноте можно общаться. И вообще, с Ольгой ей было комфортно. По крайней мере, можно было раздражение свое обнажить без страха, что не так поймут...

– ...Я прямо ненавижу этих деревенских баб с животами, Оль... И дядек этих, с мажорным запахом! К концу приема мне вообще кажется, что кругом одни свиные рыла... Так раздражает все! Фу! Фу!

– А ты не беременная, часом, а? Что-то симптомчики сами за себя говорят...

– Да, Оль... Уже три месяца.

– Ну, тогда все понятно. Я сразу так и подумала. Ишь, как вы дружно с соседкой-то, надо же! Будто сговорились!

– С какой соседкой?

– Да с Надькой Лесниковой! С соседкой твоей по дому! Она ж тоже беременная, только скрывает пока!

– Да-а-а? А ты откуда знаешь?

– Ну, знаю и знаю. Я всегда все про всех знаю. У них с Леной ребенок долгожданный, вот они в тайне и держат, чтобы не слезить.

– Надо же, Надя тоже ребенка ждет... Никогда бы не догадалась... Она такая спокойная, флегматичная. Даже завидую, если честно. Вон со мной гормоны какие штуки выкидывают, вся на раздражение исхожу! Даже на мужа иногда смотреть не могу, ужасно стал раздражать...

– Не любишь, что ли?

– Ой, да при чем здесь любовь! Я ж говорю – это из-за беременности! Смотрю на него, и тошнит...

– Ничего, это часто бывает. Родишь – пройдет.

– А ты откуда знаешь? Ты ж не рожала!

Ольга вдруг подобралась вся, нервно оплела пальцами чайную чашку, глянула на нее коротко, с острым прищуром. Катя поняла – задела болезную тему... И засуетилась неловкими жестами, не находя нужных слов. Впрочем, страдала она недолго – Ольга тут же отряхнулась от мимолетной обиды, произнесла с вызовом:

– Какие мои годы, рожу еще! Мне всего тридцать два! Подумаешь!

– Так замуж еще надо успеть...

– А вот это вовсе не обязательно! В этом деле, дорогая моя, не факт замужества как таковой роль играет, а хорошая генетика... И поскольку хорошая мужская генетика давно по рукам разобрана, надо ее для этого дела на время экспроприировать, всего и делов-то! Если аккуратно да умеючи!

– Не поняла... Что значит – экспроприировать? От женатого родить, что ли?

– А где я тебе возьму с хорошими генами и неженатого?

– Да ну...

– И ничего не «да ну»! Выберу кого получше, чтоб гены, знаешь, невооруженным глазом видны были. Чтоб ядреные такие, чтоб не ошибиться!

– Ага... Можешь еще и анализы у потенциальных претендентов взять, чтобы у себя в лаборатории на ядреность исследовать...

– А что? Действительно! Спасибо, что подсказала! Составлю список и буду вычеркивать, кто не годен!

– Только моего Пашу в этот список не включай, ладно?

– А если даже и включу, то чего? Ну что, что ты сможешь мне сделать, а? Ну что, скажи?

Они и сами не поняли, в какой момент их диалог перестал быть шуточным. Как зацепились друг за друга злобные нотки, сплелись в тугой клубок. Ольгина обида выплеснулась маслом в Катину раздражение, и без того раскалившееся добела.

В носу у нее вдруг защипало, дрожащий туман поплыл перед глазами. Перегнувшись через стол и опрокинув чашку с недопитым чаем, прошипела Ольге в лицо:

– Запомни... Запомни раз и навсегда, слышишь? То, что принадлежит мне, это принадлежит мне, и больше никому принадлежать не будет... Никогда... Только попробуй, поняла?! Даже в шутку, даже в мыслях... Если узнаю – убью...

Ольга ничего не ответила. Смотрела на Катю во все глаза. Потом с трудом сглотнула, переспросила осипшим голосом:

– Что?!

– Что слышала. Убью, даже глазом не моргну.

– Ни... Ничего себе... Ну, ты даешь, подруга! Не ожидала такой реакции... Леди Макбет ты наша... Мценского уезда...

– Хм... Хм! – Нервно хохотнула Катя, удивленно глядя на Ольгу. – Между прочим, так меня мать называла – леди Макбет Мценского уезда. Но она только от имени моего плясала – Екатерина Львовна. А ты...

– А я, значит, в самую точку попала? Надо же! Видимо, талант у меня такой – все время в точку с определениями попадать. Способности природные. Что ж, вот и для тебя определение найдено! Будешь у нас теперь называться леди Макбет Мцен... Ой, нет! Не Мценского уезда, а Маркелова переулка! А что, звучит! Леди Макбет Маркелова переулка!

– Да брось, какая из меня леди Макбет...

– Нет уж, не скажи... Эта злая тетенька точно в тебе сидит, на своей шкуре сейчас испытала! Вообще-то меня трудно испугать, но то, что я увидела... Да ты, похоже, и сама себя не знаешь, дорогуша! Такой темперамент! Чистая леди Макбет, ни убавить, ни прибавить! В общем, держись, Маркелов переулок... Ой, держись... Леди Макбет себя еще покажет, да, Катя?

Ольга рассмеялась так, будто и ее пригласила посмеяться. Но Катя лишь улыбнулась коротко, почти равнодушно. После приступа странной гневливости образовалась внутри

пустота и усталость, и звон тягучий, и что-то вроде недовольства собой. Неприязни даже. Рас- свирепела, как баба дремучая, как одна из тех, что приезжают к ней на сельский прием... Еще и «черную метку» получила. Леди Макбет Маркелова переулка. Хотя... Неплохо звучит, ладно. Лучше так, не то Ольга со временем что-то более обидное придумает.

С Ольгой они потом помирились. Но послевкусие осталось. Впрочем, оно не помешало их относительно легкому общению, которое к настоящей дружбе не имеет никакого отношения. Потому что настоящая дружба – это ж обременение по большому счету. Надо все время что-то от себя отдавать в этот костерок, душеньку раскрывать, пускать туда ревизоров, чтобы убедились в твоей искренности... Нет, Катя не умела дружить вот так, с обременениями. А с Ольгой было дружить легко. Ольга всегда была свободна. Отработала положенное время в своей лаборатории – иди на все четыре стороны. А поскольку идти Ольге особо некуда было, она много времени проводила в доме у Кати, разбавляла ее замужнее одиночество. Паша-то все время в больнице пропадавал... Почти поселился в своей хирургии, домой приходил набегами. Катя раздраженно шутила по этому поводу – у тебя, мол, Паша, дом ассоциируется с тремя буквами «п» – поесть, помыться и поспать... Больше ни одной ассоциации не осталось. Паша лишь плечами пожимал и глядел на нее то ли удивленно, то ли виновато. Скорее всего, удивленно. Вроде того – а как иначе, так и должно быть! Что делать, такая работа...

Поначалу Ольга деликатничала – ждала, когда Катя ей позвонит, позовет скоротать вечер. А потом ничего, быстро освоилась, влетала в дом уже без звонка. И любопытство свое бабье не сдерживала, могла сунуть нос туда, куда и не следовало. Да, Ольгино любопытство было неприятным, конечно, иногда навязчиво агрессивным, иногда болезненным, а порой вообще доходило до абсурда... Но Катя почему-то не раздражалась. Наоборот, была спокойно-снисходительна, наблюдая за Ольгой. Даже оправдывала ее по-своему. Нет у женщины своей семейной жизни, вот на чужую и любопытничает в качестве компенсации! Может, и завидует втихаря. И пусть завидует. Мелочь, а приятно. Если твоей жизни кто-то завидует, значит, есть чему завидовать? Значит, не так уж плохо складывается твоя семейная жизнь?

Надя тоже часто заходила к ней по-соседски. Вроде и поговорить им было о чем – обе на сносях, вот-вот рожать приспичит... А не получалось, чтоб для души. Чем-то Надя ее раздражала сильно. С Ольгой было интереснее, живее как-то. Что – Надя? Клуша скучнейшая, флегма флегмой. Только и разговоров, как дом в чистоте держать. Все время что-то моет, что-то стирает... Уже пузо на лоб лезет, а она опять портьеры с окон поснимала, весь двор мокрыми тряпочками завесила! И муж у нее, Леня, такой же скучный и флегматичный, хотя и очень добрый. Ольга говорила, пациенты на нем ездят почем зря. Специалист прекрасный, но ни уважения, ни авторитета себе не заработал. В общем, подходящая парочка, гусь да гагарочка.

Родили они с Надей с разницей в неделю. Сначала Катя – мальчика, потом Надя – девочку. Назвали Никитой и Таней. Вот тут они по-настоящему и подружились – в совместной, получается, суете. В кормлениях, пеленках, постирушках. В разговорах о детских болячках. Караулили по очереди две коляски, стоящие рядышком во дворе. Пока Катя караулит, Надя успевает с домашними делами похлопотать, потом Надя на смену Кате из дома выскакивает. А когда у Нади через пять месяцев молоко пропало, Катя взялась Танюшу докармливать. У нее молока было много, хватало на двоих... Получалось, и породнились немного.

Со стороны, конечно, обычная жизнь. Семейная, счастливая, соседская. И застолья на все праздники общие, и Паша с Леней тоже вроде как в дружбе плечом к плечу встали. Живи, как говорится, да радуйся. И все бы ничего, если б не Катина обида на Пашу... Во время таких застолий Катя смотрела на счастливые соседские лица – завидовала. Вот у них действительно все хорошо, это да. Сразу видно – живут на одной волне. И недовольство душу не гложет. И Леня Надю по-своему любит, молчаливо и тихо, без пафоса. Но ведь Павел ее тоже любит, иначе бы не женился! Тогда откуда оно в ней взялось, это недовольство, тяжелое, как бульж-

ник? Куда прежняя радость делась? Ведь была, была радость-то, она это ощущение хорошо помнила...

Уговаривала себя, конечно, старалась не раздражаться. Причины всякие находила, даже иногда получалось уговорить себя. Вроде того – у всех так... Семья – это не радость, семья – это забота, надо привыкать к обыденности. Но все равно, ужасно было жаль того чувства – очарования глупой гордости от замужества... Ушло очарование. И ожидание невероятного счастья ушло. Какое такое счастье? Ну, вот он, муж, с дежурства пришел. Усталый, голодный, глаза слипаются. Так и должно быть. А чего она хотела? Семья, дом, ребенок! Все связалось в естественный комок бытовухи с мытьем посуды, пеленками, стиркой, уборкой...

Надо смириться, не придумывать себе недовольства. Правильно Ольга ей все объяснила про комплексы ребенка, который не в полной семье вырос. Вернее, в полном отсутствии всякой семьи. Стасечка, что ли, семья, с ее вечными «любителями»? Так что... Это всего лишь комплексы. Устаканится ее недовольство со временем, утрясется. А Паша уж пусть потерпит выплески ее раздражения, ничего с ним не случится! И Надя пусть не смотрит жалостливыми глазами!

– ...Кать! Чего опять на Пашу ругалась-то? Слышно было через стенку...

– А ты не слушай, Надь. Настроение плохое было, вот и ругалась.

– Ох, Катя, Катя... Вроде все у вас есть для счастья, и работа, и дом хороший, и ребеночка родили, а живете, как чужие. Чего ты на него голос повышаешь все время?

– Не знаю, Надь. Устала, наверное. Тебе хорошо, твой Леня, вон, каждую свободную минуту домой бежит, чтобы тебе помочь... А я... Я все время одна да одна... Такое чувство, что мой Паша на работе женат, а не на мне. Иногда, знаешь, руки опускаются, ничего делать не хочется.

– Ой, так давай я тебе помогу! У меня Леня дома, за ребенком присмотрит. Что надо сделать, Кать? Давай полы помою, а? Или шторы постираю?

Катя лишь вздохнула, вяло подняв глаза на соседку. Далась ей эти полы и шторы! Такое чувство, будто удовольствие страшное испытывает, наводя чистоту! И ведь не остановишь в порыве услужливой помощи! Видимо, Надя таким странным способом сочувствие проявляет. Значит, плохи ее дела, если дошло до сочувствия.

Иногда Кате вообще казалось, что она не владеет собой. Вроде и день прошел хорошо, и не устала особо, и Пашу с работы ждала с радостью, и над ужином колдовала с приподнятым настроением. Придет, мол, Паша, сядем за стол, посидим спокойно, поговорим нормально... А Паша ступил на порог – и радость как рукой сняло. Ужасно обидно. Парадокс какой-то. Будто мельница недовольства начинала внутри крутиться с ужасным скрипом, перемалывала благие намерения. Она только ужасалась – откуда это взялось? И не могла уже остановиться, лезла и лезла на рожон...

– ...Я же тебя просила за картошкой сходить. Ты же обещал.

– Я не успел, Кать. Извини.

– Как это – не успел? У тебя же дежурство до шести.

– Да, но... В пять часов тяжелого больного привезли. Завтра утром оперировать буду.

– Как завтра? Завтра же у тебя выходной! Пусть Прохоров оперирует!

– Нет, Кать. Там случай тяжелый. А Прохоров только-только после ординатуры, ты же знаешь.

– А ты, можно подумать, давным-давно после ординатуры! Ты опытный хирург, большой специалист! Нет, я не понимаю, тебе больше всех надо, что ли? В конце концов, это даже смешно... Тебя никто не просит, а ты с таким рвением... Лоб не расшиби, Паша! Да над тобой, если хочешь знать, в больнице уже смеются!

– Кто? Кто надо мной смеется? – поднял он усталые удивленные глаза.

Катя фыркнула, отвернулась, принялась нервно переворачивать котлеты на сковородке. Паузу взяла. Потому что ответить на конкретный вопрос не могла. Нечем было. Никто над ее мужем в больнице не смеялся, это она так, в запале придумала. Наоборот, Пашу уважали. Как хирурга уважали. Как заведующего отделением. Но ведь у хирурга и заведующего отделением, каким бы он ни был распрекрасным специалистом, еще и семья есть! Жена Катя есть! Тоже, между прочим, врач, а не глупая клуша-домохозяйка!

Выдохнув, проговорила упрямо:

– И все равно, как ни старайся, хорошим для всех не станешь, уж поверь мне... Да, сейчас ты из кожи вон лезешь, а потом... Только до первой ошибки...

– Ну, зачем заранее предполагать ошибки? Надо работать так, чтоб их не было. Нет, не надо мне никаких ошибок!

– Может, тебе тогда и семьи не надо?

– Да при чем тут...

– Да! Да, Паш! Именно так и получается! Семья для тебя ни при чем! Я ни при чем! Никитка ни при чем! Мешаем мы тебе, Паш, да?

– Кать, перестань... Сама же знаешь, что ерунду говоришь. Никакой логики в твоих словах нет.

– Ерунду? Логика, говоришь, нет? А, ну да, конечно... У тебя, значит, работа, врачебный долг, а у меня так, ерунда! Я для тебя никто и звать никак! Вот и ужинай один, если так...

Повернулась, чтобы уйти, но Паша успел подхватить за локоть, притянул к себе. Глянул в глаза, спросил тихо:

– Что с тобой, Кать? Я тебя не узнаю совсем... Давай я Наталью Сергеевну попрошу, чтоб завтра зашла? Она хороший невропатолог...

– Ты мне еще к психиатру в область направление выпиши! – нервно дернулась она в его руках. – Давай, объяви свою жену сумасшедшей! Пусти!

Паша опустил руки, медленно осел на стул. И странно втянул голову в плечи. Сидел, покачиваясь, зажав ладони меж колен. Думал о чем-то.

Она в такие минуты пугалась. Нет, о чем он так напряженно думает? Страдает, что женой ошибся? Мол, прозрел, да поздно уже? Или... как тогда Веник сказал про ее «тайную» красоту? Если, мол, какой паренек разглядит твою фишку... Ослепнет от счастья... А пока он моргает и протирает глаза, глядишь, уже и клеймо в паспорте шлепнуто... Может, Паша уже... того? Проморгался, глаза протер? И увидел, что она вовсе никакая не красавица? Василиса Премудрая превратилась обратно в лягушку?

Это ужасно, если так. Да, иногда он очень пристально на нее смотрел. И лицо у него бывало обескураженное, как после пощечины. И поза эта – втянутая голова в плечи... Раньше ее не было. И тихого отчаяния в глазах не было. И недоумения. Будто перед ним и впрямь чудище болотное, а не жена.

Нет, она понимала, конечно, что сама виновата. Но легче от этого не было. Как-то само собой понеслось, и остановиться трудно... И плакала по ночам в подушку, когда Паша пропадавал на ночных дежурствах. А утром злилась еще больше. Даже не злилась – злорадствовала. Ничего-ничего, дорогой Пашенька... Никуда не денешься, клеймо в паспорте шлепнуто, Веник, по большому счету, прав. Увязли коготки, птичке конец. Тем более, ребенок в семье! Его тоже со счетов не сбросишь! Твой ребенок, Пашенька! От него-то уж точно никуда не денешься, как бы там ни было!

Хотя, надо отдать должное, Паша Никитку без ума любил. Когда брал на руки, лицо такое делалось... трогательное. Красивое очень. Мягкое. Глаза счастьем светились. А она... Она опять злилась! Вот кто бы спросил – зачем, Катя, ты это делаешь? Откуда берется эта злоба неуправляемая? Нет, она и сама не знала и не ответила бы... Подходила, выхватывала

из Пашиных рук ребенка. Паша молчал, глядел на нее грустно. С тихим отчаянием в глазах. И недоумением.

А однажды не смолчал. Поссорились. Хотя, казалось бы, абсолютно на ровном месте.

У нее каша на плите подгорала, и шестимесячный Никитка проснулся, заплакал. Паша подхватил его на руки, заглянул на кухню:

– Кать, его кормить пора...

– Да знаю, сейчас!

Через две минуты снова настойчивый голос Паши:

– Кать! Иди, корми ребенка! Давай я сам все сделаю, что там у тебя?

– Я же сказала, скоро покормлю!

– Но он же кричит...

– И что? Я должна у него на поводу идти?

– Не понял?.. У кого на поводу? У шестимесячного ребенка? Ты о чем сейчас, Кать?

– Да что ты ко мне привязался! Подумаешь, покричит немного! Зато будет знать, что мать не может все бросить и бежать к нему сломя голову! Пусть учится терпеть голод, это полезный навык!

Паша вдруг пребольно схватил ее за предплечье, развернул к себе. И прошептал тихо, едва сдерживаясь:

– Терпеть? Шестимесячный ребенок должен терпеть? Ты себя слышишь? Ты вообще думаешь, о чем говоришь?

– Да иду уже, иду... Помешай кашу еще пять минут, потом убери с плиты. Прямо убить готов, аж глаза побелели...

Когда накормленный и переодетый в чистые ползунки Никитка лежал в своей кроватке, весело дрыгая ножками, Паша вошел в комнату, сел на стул, нервно потер колени ладонями. Потом, будто решившись, проговорил сухо, почти зло:

– Кать, я поговорить с тобой хочу. Объяснить тебе, если сама не понимаешь. Спросить у тебя, в конце концов... Ведь ты неглупый человек, Катя! У тебя медицинское образование! Как, как ты можешь допускать такие вещи, а?

– Какие вещи, Паш? Это ты про кормление, что ли? Да подумаешь, и потерпел бы...

– Кто? Кто потерпел? Шестимесячный ребенок бы потерпел? У тебя что, совсем здравый смысл отсутствует, я уж не говорю о положенном природой материнском инстинкте?

– Ах, так я уж и мать плохая! Ничего себе! Нашел за что зацепиться!

– Послушай... Послушай меня пожалуйста, Кать. Извини, если я тебя обидел. Давай я тебе как-то по-другому объясню... Вот представь, что ты находишься на месте Никитки. Ты лежишь голодная и беспомощная, тебе есть не дают. Но ты-то как раз знаешь, что рано или поздно все равно дадут... А он! Он-то не знает! Для него это страх, ужас, вопрос жизни и смерти! Страх погибнуть, причем очень скоро!

– Ну уж... Не преувеличивай. Надо же, куда тебя понесло.

– Нет, Катя, не понесло. Я просто хочу до тебя достучаться, хочу, чтобы ты поняла... Хоть что-то... Это очень большой для ребенка страх – остаться без еды. Знаешь, я на первом курсе психиатрией увлекался... И читал учебник одного детского психиатра, доктора Беттельгейма. Он, оказывается, через Дахау прошел, через Бухенвальд... О голоде знает не понаслышке. Именно в лагере он понял, что голод – это не просто издевательство зверей-эсэсовцев, а один из элементов стройной системы превращения человека в идеального заключенного. Даже самого маленького человека. Страх голода разрушает личность, разъедает ее, как ржавчина. Если уж взрослого человека до состояния шестимесячного ребенка можно довести...

– Все! Хватит! Замолчи! Ты что этим хочешь сказать, не понимаю? Что я мать-эсэсовка?

– Да бог с тобой, Кать... Нет, что ты. Просто... Просто я хочу, чтобы ты Никитку любила... Чтобы ты его чувствовала...

– А я не люблю, по-твоему? Не чувствую?

– Почему же, любишь. Но... Как-то не так. Я не знаю... Я не могу объяснить...

– А ты сам-то как его любишь? Да ты его не видишь почти! Тебя же все время дома нет!

Еще и меня учить взялся...

– Да не учу я тебя! Не учу! Я просто тебя прошу! Я иногда совсем тебя не понимаю, Кать! Ты... Мы совсем, совсем не слышим друг друга...

– Да, конечно. Ты же всех слышишь, кроме меня. Совершенно чужих людей слышишь, а меня нет. А может, мне заболеть, чтобы попасть к тебе на операционный стол? Может, и меня тогда услышишь? А что, хорошая идея...

Ей очень хотелось плакать в этот момент. Пришлось даже рассмеяться почти истерически, чтобы не заплакать. Паша глянул на нее дико, подскочил с дивана, быстро шагнул из комнаты. Повозился в прихожей, ушел, хлопнув дверью... А она осталась. Подошла к детской кровати, долго смотрела на Никитку, шмыгая носом и смахивая слезы со щек. Нет, это ж надо в таком грехе обвинить... Что она ребенка своего не любит... Да что он за человек такой? За кого она замуж вышла?

Подняла глаза, увидела в окно, как по двору в сторону крыльца идет Ольга. И впервые не обрадовалась ее визиту. Ох, как не вовремя...

– Что у вас, Кать? – тревожно спросила Ольга, ступив на порог и пристально вглядываясь в ее лицо глазами-буравчиками. – Скандалите, что ли?

– Нет... С чего ты взяла?

– Да ладно... Я сейчас твоего Павла встретила. Бежит, дороги не видит. Не поздоровался даже. Чем ты его так достала?

– Ничем. Говорю же, нормально все.

– Ну, хорошо... Не хочешь, не рассказывай, я и не настаиваю. Наоборот, помочь хотела. А может, вы из-за денег ругаетесь, а? Если из-за денег, ты скажи, я дам займы. Отдашь, когда сможешь.

Катя мотнула головой – не надо, мол. Не поверила в проявление дружбы. И без того понятно, чем пахнет эта дружба. Завтра Ольга обязательно разнесет по больнице, что у Романовых проблемы в семье. Оно ей надо?

– Ладно, я поняла, денег не надо. Тогда хочешь, совет дам? Не засиживайся дома, Кать, закиснешь. Выходи на работу. Год отсидишь, и хватит, отдавай ребенка в ясли.

– Что ты, жалко же...

– Да нормально. Никитка у тебя крепенький, ничего.

– Паша будет против...

– Ну, тогда пусть сам сидит. И много он усидит, как думаешь? Не, Кать... Посмотри на себя – ты уже на неврастеничку похожа! Тебе на люди надо, в коллектив! Иначе точно закиснешь! И Романова изведешь! Да и деньги не лишние, времена-то нынче смутные пошли, ой смутные. Сама слышала, как сегодня пациентка в больничном коридоре про нарушение прав орала! И про демократию, и про свободу... Я так поняла, она призывала всех проклятых врачей на чистую воду вывести и зарплату у них отнять. Мол, не за что им зарплату платить, представляешь? Не, Кать... В такие смутные времена, да дома сидеть... Шикарно слишком, что ты...

– Ладно, я подумаю, Оль.

– Подумай, подумай...

Сказала Ольге это «подумаю», чтобы отмахнуться. Но мысль в голове засела. Да и с деньгами действительно было худо – Пашиной зарплаты едва хватало свести концы с концами. Когда Никитке исполнился год, объявила мужу решительно – отдаю в ясли... Думала, он спорить начнет, занудствовать, как всегда. Но Паша только посмотрел тем самым странным взглядом, будто в очередной раз увидел в ней что-то такое... А может, наоборот, не увидел того,

что хотел увидеть. Ну и ладно. Действительно, надоело уже бояться и думать, чего он там разглядывает или не разглядывает. Его дело.

Она и предположить не могла, как это трудно на самом деле – когда и ребенок маленький, и работа! Лишнего часа не поспишь, носишься по одному кругу, как заведенная! Дом, ясли, сельский прием! Сельский прием, ясли, дом! А бумаг сколько написать надо, а отчетов! И нигде во всю силу не выложишься, и не успеешь ничего толком... Наверное, потому и пациента того проворонила. От усталости. По невнимательности. Вернее, не проворонила, а в помощи отказала. Пресловутую клятву Гиппократу нарушила, стало быть. Чтоб ей пусто было, клятве этой.

Его жена из Волчихино привезла, мужичка этого. Аккурат без пяти минут шесть в кабинет заглянула, когда она уже на выходе была, почти у двери.

– Можно, Екатерина Львовна? Я мужа привезла, весь день болью в животе мается...

– Нет, нельзя. У меня прием закончился. Я до шести сегодня принимаю.

– Так еще без пяти минут!

– Нет. Уже ровно шесть. Слышите, радио пикает?

– Екатерина Львовна...

– Нет, нет. Извините, но мне за ребенком. Я и без того опаздываю. Дайте пройти, мне двери кабинета закрыть надо.

– Но хоть гляньте, помрет же мужик...

«Мужик» и впрямь сидел на кушетке около двери весь бледно-зеленый. Но кто его знает, от чего он бледно-зеленый? Может, с перепою? Тем более, помнила она эту пациентку... И синяки на ее теле видела. Сама жаловалась, что муж часто руки распускает, когда выпьет...

– Дайте ему анальгин. И приходите завтра с утра. Я вас завтра без очереди приму.

– Так нам же из Волчихино ехать! Тридцать верст!

– Извините, но я опаздываю... – бросила уже на ходу. – Завтра с утра без очереди...

В ясли она бегом летела. Никитка уже последний остался, остальных всех разобрали. Стоял в кроватке, подхныкивал жалобно. Схватила его на руки... Какие тут мужички с болями в животе? Обойдутся!

А ночью того мужичка на «Скорой» привезли. С гнойным перитонитом. Паша аккуратно дежурил, всю ночь над операционным столом простоял. Говорит, с того света вытащил... Потом домой пришел и все утро, пока она на работу собиралась, клеймил ее праведным гневом:

– Как? Как ты могла, Кать? Он же к тебе на прием приехал, с острой болью...

– Ага, давай, стыди меня, как же! Где ты вчера вечером был? В отделении пропадал? И не в свое дежурство? Я тебе звонила, чтоб ты Никитку забрал? Что ты мне ответил?

– У меня там послеоперационный больной в реанимации...

– И что? Тебе надо было его за руку подержать и посюсюкать? Он для тебя важнее твоего сына? Все же на мне, Паша, ты же давно от семьи самоустранился! Я жена, я мать, на мне дом и ребенок! Мне в ясли надо было за Никиткой бежать! И работа еще!

– Так не работай... Зачем тогда работать? Сиди дома с ребенком.

– О, как хорошо сказал!.. Не работай. А жить на что?

– Нам не на что жить? Мы голодаем? Чего нам не хватает, Кать?

– Нет, я не понимаю тебя, Паш... Иногда совсем не понимаю. Ты и впрямь какой-то блаженный. Люди, вон, к хорошей жизни как-то стремятся, машины покупают, в дом чего-то... А ты чего в дом принес? Как ты постарался семью обеспечить? Ведь у тебя семья, Паш! Жена, ребенок!

– Я всю зарплату тебе отдаю, ты же знаешь. А mzды я не беру. Это ты тоже знаешь.

– Ой, а чего не берешь-то? Все берут, а ты не берешь! За державу обидно, да?

– Ну, если хочешь, да, обидно.

– Да на кой ты сдался державе, хирург из тьмутаракани Павел Романов? Где держава, и где ты? А семья вот она, рядом...

– Значит, ты даже вины своей не чувствуешь, Кать?

– Почему же, чувствую. Но, надеюсь, рапорт о моей преступной халатности Маркелову не настрочишь? По благу? Я ж твоя жена все-таки... Кстати, не забудь за картошкой в магазин сходить. Прямо сейчас, а то потом точно забудешь. Иди, иди...

Паша ушел, хлопнув дверью. Она перевела дух, стоя перед зеркалом. И впрямь, ужасно получилось с этим мужичком. Хоть и бравировала сейчас напропалую, но вину свою вполне себе осознавала. Хотя кто его знает, чего в этом осознании больше присутствовало, вины или сермяжного страха. А если бы Паша этого мужичка с того света не вытащил?

И вздрогнула от стука в дверь. О, господи, Надя... Напугала.

– Доброе утро, Катюш... А я слышу, вы опять с Пашей с утра на повышенных тонах разговариваете. Чего вас мир не берет? Или случилось что?

– Нет, Надь, ничего не случилось. А... Что это с тобой? Что с руками?

Надя подняла к глазам ладони, осмотрела их равнодушно. И так же равнодушно произнесла:

– Экзема... Вчера целый день стирала. Порошок плохой, наверное.

– Надь! Ты скоро с ума сойдешь на этой стирке и уборке! У тебя уже мания чистоты развилась! Уже психиатрией пахнет, Наденька, дорогая!

– Так грязно же... Кругом одна грязь. Вон, и у тебя в доме грязно...

– У меня?! Грязно?

Катя, почитающая себя ужасно чистоплотной, задохнулась от обиды. Но Надя ее обиды, похоже, и не заметила. И бровью не повела.

– Да, Кать. Ужасно грязно. Хочешь, я у тебя полы помою? Давай, а?

– Надь... Ты что? Где ты грязь видишь? С ума сошла, Надь?

Спросила тихо, и вдруг пробежал внутри морозный холодок, добрался до горла, уколол спазмом. Глянула Наде в глаза... О господи. А вдруг она недалеко от истины? Вдруг с Надей в этом смысле и впрямь беда? Хотя – какое ей дело... У Нади муж есть, пусть он беспокоится. А ей бы со своими психозами разобраться, и с мужем тоже...

В тот день Паша пришел домой поздно вечером. Пьяный. И без картошки. Сел за стол, сложил руки ковшиком, дыхнул спиртовым перегаром.

– Значит, так, Катя... Больше мы не ругаемся. Вернее, я с тобой не ругаюсь. Делай что хочешь. Можешь говорить мне все, что хочешь. Я буду молчать. Поняла? И в дела мои не лезь! Я болею потом, когда ты... Лезешь! Отныне у тебя свое, у меня свое. А зарплату, как прежде, обязуюсь отдавать всю до копейки... Поняла?

Она тихо стояла, закутавшись в платок, слушала его с испугом. Каждое слово било словно молотком по голове. Никогда его пьяным не видела... И таким злым – никогда...

* * *

Паша сдержал «пьяное» слово. Нет, не то чтобы перестал ее замечать, но будто стеклянной стеной отгородился. В поле зрения присутствовал, но в «самого себя» дверцу захлопнул. Хотя – какая там дверца? Он и раньше не особо ее распахивал.

Как ни странно, но ей стало легче. Раздражение ушло. Наверное, потому, что захлопнутая дверца ни к чему не обязывает. Ни к пониманию, ни к сочувствию, ни к душевному родству. Да, так лучше. Обид меньше. И претензий друг к другу меньше. Все выравнивается в плоскость бытовой семейной жизни. Такой, какая у всех происходит за глухими портьерами, задернутыми с наступлением темноты, – кухня, ужин, телевизор, постель...

В постели Паша тоже стал другим. Казалось, будто исполнял супружеский долг с ноткой безысходности. Мол, что с природой поделаешь? Ее ж не отменишь, когда рядом женщина. И женщину полагается целовать и обнимать, чтобы получить доступ к плоти, чтобы утолить собственную глупую плоть. Потому что от собственной глупой плоти стеклянной стеной не отгородишься.

Ее эта нотка безысходности не обижала нисколько. Наоборот, вызывала в душе странное чувство – что-то вроде веселого злорадства: да, мол, я женщина, у меня власть. Потому что ты не плоти в конечном итоге подчиняешься, а мне, женщине. Жене. Ничего-ничего, дорогой муж, изволь принять ситуацию. Хоть с безысходностью, хоть с другими рефлексиями, это уж твое дело, а мне, по большому счету, все равно. Я в наших семейных отношениях главная, хоть ты этого и не понимаешь. Спрятался за стеклянной стеной, ага... Напугал, можно подумать...

Зато с Никиткой Паша возился каждую свободную минуту, с рук не спускал. Растекался мягкой патокой от его лепета, прижимался губами к белобрысой макушке, замирал надолго, будто дыхание перехватывало от приступа нежности. Катя в такие моменты испытывала то же самое чувство, сродни веселому злорадству – эка тебя отцовство-то прихватило, Пашенька... Намертво прихватило, не отодрать. Тут уж ни за какой стеной не спрячешься, милый. Ты отец, а я мать. Как бы ни сложилось, а мы – семья. Какая получилась, такая получилась, в такой и жить будем.

Да, она действительно начала жить на полную катушку... Расправила крылышки. С собой занялась. Гардероб новыми вещами обновила. Из вещей много чего стало интересного появляться, времена такие начались, голодные и безденежные, но соблазнительные. А «свой» врач во все времена нужным людям необходим, и владелицам коммерческих магазинчиков, и модным парикмахерам. Так хорошо стала выглядеть – сама себе в зеркале нравилась. И выражение лица было довольным, горделиво-спокойным. Наверное, это и было то самое утерянное «положение пропорций», о котором с такой страстью толковал Веник. Давно. Еще в прошлой жизни...

А в этой у нее и без «положения пропорций» все сложилось. Нормальная семья. Ну, не без компромисса, конечно. А какая семья нынче без компромисса обходится? Жизнь есть жизнь, перебегаешь ее изо дня в день, на ходу исполняя святые женские обязанности. Чтоб чисто в доме было, чтоб обед в холодильнике, чтоб ребенок здоров и ухожен... И вкрапления праздников бывают, яркие точки в череде семейных будней, а как без них? К Восьмому марта – жидкий букетик мимозы, на дни рождения – застолье с гостями и скромные подарки. Паша ей – духи из универмага, «Пани Валевская» в синем флаконе, она ему – рубашку или галстук. Никаких заморочек, никаких обид. Рубашка изнашивается, а «Пани Валевская» тоже пригодится, кому-нибудь передарить можно. Жизнь есть жизнь. Такая же, как у всех, бежит и бежит без катаклизмов. Четыре года пронеслось, как и не было.

И вот он, здравствуйте, не ждали. Катаклизм. А иначе это явление и назвать нельзя. Явление по имени Стасечка. Нет, кто бы мог подумать, что она обнаглеет до такой степени? Явилась приветом из прошлой жизни! И ведь не предвещало ничего подобной беды, только-только Паша Никитку спать уложил, ужинать сели на кухне...

– ...Кого там принесло на ночь глядя? – пробурчала Катерина, оборачиваясь на стук в дверь. – Открой, Паш...

– Да там открыто. Входите, открыто! – крикнул в сторону двери.

Катя обернулась, чтобы глянуть на вошедшего... И не поверила глазам. Потому что не могло этого быть. Кто угодно мог стоять на пороге, только не Стасечка. И первая пугливая мысль в голове – нет, это ошибка какая-то. Галлюцинация. Надо моргнуть, и тут же исчезнет.

Моргнула. Стасечка не исчезла. Снова моргнула. Паша переводил удивленный взгляд с нее на Стасечку. Та упорно стояла в дверях улыбочивым изваянием. Не исчезала.

– Как... Как ты меня нашла? – спросила, хрипло и нервно прокашлявшись.

– Во-первых, здравствуй, доченька! А во-вторых... Этот красивый мужчина, я полагаю, твой муж, да? Может, ты меня представишь для начала?

И, не дожидаясь ее реакции, шагнула к столу, элегантно пристроила тяжелый располневший зад на хлипком табурете. Катя вдруг услышала рядом с собой ее сиплое дыхание... Никогда Стасечка не страдала одышкой. Болеет, что ли? И лицо постаревшее, щечки обрюзгли. Хотя напудрены основательно, как прежде. И помада на губах яркая, с оттенком бешеной фуксии.

– Меня зовут Станислава. Я Катюшина мама, очень приятно с вами познакомиться, – жеманно протянула она Паше ладошку лодочкой. И тут же улыбнулась кокетливо: – Ой, чего я так официально?.. Можете называть меня просто Стася. А впрочем, как вам будет удобно, молодой человек.

– Очень приятно, а я Павел... А по отчеству вас?..

– Что вы, какое отчество! Мы же родственники. Ах, какой вы красавец, Павлик! Просто чудо! Рада, рада за Катеньку... Надо же...

– Спасибо. И все-таки, как вас по отчеству, Станислава?..

– Да не напрягайся, Паш. Никакая она не Станислава, она обыкновенная Зинаида! – нервным смешком вклинилась в этот диалог Катя. И, повернувшись к Стасечке, уже громче повторила свой вопрос: – Как, как ты меня нашла? Мы же с тобой вроде обговорили все... Я из квартиры выписываюсь, а ты... Зачем ты сюда притащилась?!

Очень зло прозвучало. С едва сдерживаемым раздражением. И с досадой, конечно же. Стасечка подняла выщипанные в ниточку бровки, дернула плечиком, улыбнулась миролюбиво. Будто не приняла на свой адрес ни досады, ни раздражения. Пояснила деловито:

– Ты спрашиваешь, Катюш, как я тебя нашла?.. Да обыкновенно, как! Просто запомнила название городка, ты ж мне говорила... Очень запоминающееся название – Васильевск! Купила билет на поезд, села, приехала вот... Потом пришла в больницу, спросила, где живет Екатерина Романова... Твою новую фамилию я тоже запомнила, у меня память отличная, слава богу! Кстати, очень уж далеко ехать на поезде... И так утомительно, знаешь! Никак не могла заснуть... И эта пища ресторанная, такой ужас! Я ничего не ела практически... Мне бы поужинать поскорее да спать лечь, Катенька. Еще бы ванну принять, конечно... Надеюсь, у вас в доме есть ванна?

– Есть, у нас все есть! – засуетился с гостеприимством Павел, глянув в хмурое Катино лицо. – Да вы снимайте плащ, поужинаем сейчас... Вот котлеты домашние, салат, пожалуйста... А руки помыть можно здесь, на кухне. Там полотенце чистое.

– Спасибо, дорогой! – кокетливо улыбнулась ему Стасечка, элегантно высвобождаясь из плаща. – Как приятно иметь дело с воспитанным интеллигентным мужчиной! Надеюсь, нам и потом... будет о чем поговорить... Где, я не поняла, можно помыть руки?

– Да, я сейчас покажу... И плащ давайте, я его в шкаф...

Пока Стасечка мыла руки, Катя сидела за столом безучастно. Паша вернулся, сел за стол, глянул на нее так, будто помощи попросил – выручай, мол, чего молчишь. Это к тебе мать приехала, а я отдуваюсь гостеприимством. Неловко получается одному-то.

Катя длинно вздохнула, побарабанила пальцами по столу, потом запоздало кивнула головой – поняла, мол. И выручила мужа по-своему, то есть произнесла громко, почти с вызовом:

– Паш, у тебя завтра с утра операция, шел бы ты спать пораньше. Тем более, нам тут надо... Поговорить...

– Да, да, конечно, – быстро согласился Паша, вставая из-за стола. – Да, мне действительно следует выспаться. Я пойду... Извините, Станислава...

– Она Зинаида, – с тихой дрожью в голосе проговорила Катя, подняв на мужа злые глаза. – Еще раз повторяю – она Зинаида, а не Станислава! Здесь мой дом, здесь никакого вранья не будет. Иди, Паш, иди от греха... Я дальше сама...

– Катенька, ну что ты, в самом деле! – жалко хихикнула Стасечка, садясь за стол. – Не дала нам с Павликом поговорить... Спокойной ночи, дорогой Павлик, приятных снов! Ах, какой милый мужчина... Одно сплошное очарование... Ну, мы потом ближе познакомимся, надеюсь.

Паша ушел так резво, будто бежал от комплиментов сломя голову. Катя глянула ему вслед, усмехнулась тихо. Да, мол, а ты как думал? Это все не так просто, это же Стасечка, мать твою... Хотя не твою, а мою, конечно. Мать...

Стасечка тем временем живенько наполнила едой тарелку, принялась уписывать за обе щеки салат и котлеты. Кате показалось, даже мурлыкала от удовольствия, собирая хлебушком салатную жижицу. Волна раздражения снова ударила Кате в голову...

– Ты зачем сюда заявила, а? – прошелестела тихо, подавшись корпусом вперед.

– Хм... Что значит – заявила? – с трудом оторвавшись от процесса, подняла на нее глаза Стасечка. – Мать к дочери приехала – это значит заявила, да? Выбирай выражения, Катюш! Где твоя вежливость, где гостеприимство? Я уж не говорю о дочернем долге, хотя могла бы!

– Ладно. Я ставлю вопрос по-другому, более конкретно. Говори, чего тебе от меня надо? Не просто же так сюда притащилась! Ну? Говори, не молчи!

– Катенька, что ты... Почему ты... Не надо со мной так...

Стасечка вдруг подняла ручки к лицу, изобразив отчаянный испуг. Бровки надломились, губы задрожали, потекли уголками вниз. И пальчики заплясали в лихорадке, будто не зная, куда правильно приспособиться, чтобы красиво и жалобно получилось. То ли виски сжимать в отчаянии, то ли слезы из уголков глаз утирать. Все-таки на висках остановились. Ну-ну, так жальче получается. Ах, обидела Стасечку неблагодарная дочь-сволочуга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.